

Моя прабабушка по линии матери была арестована в годы Великой Отечественной войны за вредительство.

Ее «вредительство» заключалось в том, что она накормила голодных детей. Конечно, я понимаю, что в условиях всеобщего голода и войны жесткие меры необходимы, но между понятиями «жесткие» и «жестокие» огромная разница. Жесткие законы порождают насилие, насилие порождает страх, а страх, в свою очередь, разрушает личность, превращая ее в послушное, безропотное существо. Антон Протасов, Барнаул, Алтайский край

Послевоенная жизнь деревни мало чем отличалась от военных лет. В это время в колхозе были трудодни: вместо денег давали зерно. Его мололи на каменных жерновах в сарае. Даже не верится, что это происходило в середине XX века! Тракторов было мало, пахотная земля обрабатывалась при помощи лошадей.

По-прежнему, как вспоминает Нина Васильевна, дети собирали щавель и клевер — сушили, толкли в ступке и делали из них лепешки. Весной на колхозных полях, как и в войну, собирали гнилую картошку. Также, несмотря на закон «о трех колосках», собирали горох, овес, рожь и пшеницу. Ольга Онучина, Няндомы, Архангельская область

Российские школьники об истории XX века

ВВЕРХ ПО РЕКЕ ВРЕМЕНИ

**Коллектив авторов
Ирина Викторовна Щербакова
Вверх по реке времени.
Российские школьники об
истории XX века. Сборник
работ стипендиатов Фонда
Михаила Прохорова –
лауреатов Всероссийского
исторического конкурса
старшекласников «Человек
в истории. Россия – XX век»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459355

*Вверх по реке времени. Российские школьники об истории XX века.
Сборник работ стипендиатов Фонда Михаила Прохорова – лауреатов
Всероссийского исторического конкурса старшекласников «Человек в
истории. Россия – XX век». : Мемориал; Новое издательство; М.; 2012
ISBN 978-5-98379-164-0*

Аннотация

В сборник вошли работы стипендиатов Фонда Михаила Прохорова – лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» 2009–2011 годов. В центре работ российских школьников – предреволюционная жизнь, коллективизация, война, блокада и эвакуация, социалистические стройки, смена эпох и другие события российской истории, отраженные в семейных и человеческих судьбах.

Содержание

Их XX век	6
Время и место	18
Курлакские руины социализма	18
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Коллектив авторов
Вверх по реке времени.
Российские школьники об
истории XX века. Сборник
работ стипендиатов Фонда
Михаила Прохорова –
лауреатов Всероссийского
исторического конкурса
старшекласcников
«Человек в истории.
Россия – XX век»

Их XX век
Ирина Щербакова

Эта книга продолжает серию сборников исследователь-

ских работ старшеклассников, присланных на ежегодный исторический конкурс «Человек в истории. Россия – XX век», который общество «Мемориал» проводит с 1999 года. В отличие от двенадцати предыдущих, он составлен не по тематическому принципу – в него вошли работы, чьи авторы, став победителями конкурса, получили стипендии от Фонда Михаила Прохорова для поддержки своей учебы в гуманитарных вузах.

Такой отбор лишь с первого взгляда может показаться формальным. Внимательный читатель, несомненно, увидит, что всех участников сборника объединяет серьезный и вдумчивый взгляд на давнюю и не столь давнюю российскую историю. Конечно, все они из разных мест, пишут по-разному, на разные темы, опираются на разные исторические источники. Одни следуют за сухими строчками архивных документов, другие ведут свой «мягкий грифель» туда, «куда укажет голос» исторического свидетеля. И тем не менее между ними существует несомненная взаимосвязь: они дополняют друг друга, перекликаются, иногда полемизируют между собой. Но, главное, все исследования (как и в предыдущих сборниках) посвящены исторической памяти и погружают нас в огромное пространство российской истории. К сожалению, готовя работы к публикации, нам пришлось их сильно сократить и отказаться от приложений, которые часто представляют отнюдь не меньшую ценность, чем сам текст. Это присланные копии уникальных документов (например, ко-

пии следственных дел, справки о реабилитации, интереснейшие вырезки из газет 1920–1930-х годов, старые семейные фотографии, таблицы с данными социологических опросов, проведенных некоторыми конкурсантами, расшифровки интервью с историческими свидетелями).

Среди этих работ есть целые семейные саги, описывающие судьбы представителей нескольких поколений на фоне тяжелейших испытаний, которые им выпадали. Трудно найти российскую семейную историю без сумы, без тюрьмы, без войны. Неслучайно один из авторов этого сборника так и назвал свое исследование: «Трагедии XX века в истории моей семьи».

Для создания российской семейной саги требуются, как правило, огромные усилия, неизмеримо большие, чем во многих европейских странах. Ведь у нас семейная память очень неглубока и фрагментарна. В этом часто убеждаются молодые исследователи:

Сведения об этом периоде семейной истории крайне скудны. Я думаю, что в семье специально старались об этом меньше говорить, так как, видимо, это были тяжелые воспоминания, да и сам факт раскулачивания и отбывание срока в ссылке считался порочащим семью фактом (Дарья Дундукова).

Но, возможно, именно поэтому и возникает настойчивое желание восстановить прошлое своего рода как бы трудно это ни было – ведь для того чтобы собрать этот семейный

пазл нашим авторам приходилось добывать информацию буквально по крупицам, посылать запросы в архивы, расспрашивать свидетелей, даже отправляться в путешествия.

К сожалению, никаких документов по раскулачиванию Дундуковых в семейных архивах мне найти не удалось. Интересную информацию я обнаружила на одном из интернет-ресурсов, публикующих списки людей, репрессированных во время раскулачивания. Среди множества фамилий жертв политического террора в СССР я обратила внимание на данные Порфирия Семеновича Дундукова. Год и место его рождения совпали с годом и местом рождения моего двоюродного прадеда Прокопия Семеновича Дундукова... В документе говорится о том, что арест Порфирия Семеновича был произведен в п. Половинка Кизеловского района Пермской области 6 января 1938 года, а приговор по его делу был вынесен 31 октября 1938 года. Он был осужден на 10 лет лишения свободы за антисоветскую деятельность. Если в документе идет речь именно о моем двоюродном прадеде (думаю, что вместо имени Прокофий писарь вполне мог записать ошибочно Порфирий, ведь все остальное совпадает!), то можно предположить, что Дундуковы были высланы после раскулачивания именно в Пермский край (Дарья Дундукова).

Трудно было восстанавливать то, что десятилетиями вытеснялось их предками из семейной памяти, но мы видим, как упорные поиски молодых исследователей увенчиваются

успехом — обнаруживаются в архивах документы, находятся имена и даты, отыскиваются потерянные родственники и заброшенные могилы.

Для чего сегодняшним старшеклассникам эти усилия по восстановлению прерванной традиции — семейной, национальной, социальной, религиозной? Ведь и калмыцкие народные песни, не исполнявшиеся публично в течение всего периода депортации, и старообрядческая икона, которой благословляли уходящих на фронт сыновей, и корявые стихи, в которых прабабка, работавшая кочегаром в котельной, пыталась рассказать о своей жизни — для них *очень* далекое прошлое. Но, видимо, ощущение того, что традиция была прервана, и, как правило, прервана насильственно, все-таки не дает им покоя. Это стремление связать разорванные нити, которое прослеживается во многих работах этого сборника, можно назвать «стихийными» поисками утраченной идентичности.

Очень важную, едва ли не решающую роль в этих поисках играет часто вполне осознанное желание освободить семейную память от *страха*, сковывавшего ее многие десятилетия. В одной из работ об этом прямо говорится:

Жесткие законы порождают насилие, насилие порождает страх, а страх, в свою очередь, разрушает личность, превращая ее в послушное, безропотное существо (Антон Протасов).

Погружаясь в семейное прошлое, они узнают, что страх

преследовал их близких в течение многих десятилетий. Страх стать жертвой репрессий принуждал к молчанию, заставлял освободиться от всего (в том числе и в своей родословной), что *портит* биографию, что могло вызвать подозрения соответствующих органов. Поэтому в работах можно найти много упоминаний о том, как подчищались документы, исправлялись года рождения, менялись фамилии, как скрывалось социальное происхождение и наличие родственников за границей, не упоминались в анкетах репрессированные родные, не сообщалось об угоне во время войны в Германию.

Страх заставлял их близких долгие годы вытеснять из памяти несправедливость и жестокость, жертвами и свидетелями которых они были:

Практически всю оставшуюся жизнь Анна Васильевна держала втайне те ужасные события, которые произошли с ней в молодости. Только в последние годы она кое-что рассказала о них своей дочери (Антон Протасов).

Ушедший из жизни нынешних школьников страх перед своей семейной историей позволяет им искать и находить источники, которым они могли бы доверять. Благодаря этому мы можем познакомиться с чудом сохранившимся дневником прапрадеда, матроса Балтийском флота, оказавшегося после Цусимы в японском плену. И с бережно хранимым в семье дневником, который вела 19-летняя прабабушка в блокадном Ленинграде, и, наконец, с записями школьного

учителя, проливающими свет на восприятие людьми в российской глубинке событий августа 1991 года.

Конечно, отнюдь не все работы в этом сборнике посвящены семейной памяти. Но и во всех остальных главное – интерес к людям и их судьбам, к их повседневной жизни. И тем самым включение *человека в историю*. Так появляются в работах образы и рассказы тех, кто не оставил и не мог оставить никаких воспоминаний, кто «присутствовал» в истории лишь в сухих цифрах статистических сводок.

При передаче таких рассказов возникают картины трудно представимой любому европейцу тяжелой повседневной жизни 1920-1950-х годов и полных борьбы с житейскими трудностями 1960–1970-х. Это рассказы о том, как выжили, как вытянули, напрягая все силы, как пережили коллективизацию и террор, оккупацию и плен, блокаду и депортации, трудармию и ГУЛАГ, непосильный труд, холод и голод. Голод – вслед за страхом – главная тема в описании повседневной жизни всей первой половины XX века:

Еще до войны досыта не наедались, а тут вскорости и фашист напал, стало еще тяжелее. Картошку берегли, чищенной не видели. В мундирках варили, чтобы не срезать нисколько. Делали затируху из лебеды. В ход шли и корешки, особенно по весне собирали всякую траву. Животы раздувало, но на работу шли: задания в колхозе приходились на каждого ребенка. Возили воду в бочках ребятишки шести-семи лет (Виктория Архипова).

Из таких жизненных историй (и в этом заслуга наших авторов, выбравших для себя, как мы надеемся неслучайно, гуманитарную стезю) вырастает понимание не только причин вытеснения и забвения прошлого, но и корней бесконечного терпения, покорности судьбе и приспособленчества людей, занятых прежде всего выживанием.

И нельзя сказать, что жителям глубинки подобные действия со стороны государства казались справедливыми, нет. Но они старались забиться в свой уголок и молча переносить несправедливости и лишения. Возможно, такое отношение к власти – это их стратегия самосохранения. И, видимо, гораздо легче было жить, не осознавая в полной мере происходящего за границами села, деревни, разъезда. Это тоже можно назвать стратегией выживания. Но, не возмущаясь несправедливостью, принимая происходящее как некую данность, не оценивая его, люди замыкались в очень ограниченное пространство, обрекали себя на полную покорность (Алексей Губанов, Анастасия Петрова).

Никто из наших молодых авторов вроде бы прямо не задается вопросом о природе пресловутой «эффективности» или неэффективности сталинского менеджмента. (Напомним читателям, что само выражение «Сталин – эффективный менеджер», так часто повторявшееся в последние годы, впервые было произнесено одной из участниц нашего конкурса.) Авторы не вступают в прямую полемику о необходимости жестокой мобилизационной политики, но едва ли не

каждый рассказ этого сборника – о бессмысленности и жестокости, с которой она осуществлялась.

И получается, что за счет их близких, которые во время войны «попадали под указы», получали сроки за невыполнение трудодней, за опоздание на фактически принудительные работы, за так называемую спекуляцию, за буханку хлеба, вынесенную голодным детям.

Я считаю, что моя прабабушка, не причинив никакого серьезного вреда стране, была жестоко репрессирована и отправлена на Колыму в лагерь Эльген. Мне стали известны лишь некоторые моменты ее жизни в лагере, но и от них мне, если честно, не по себе... Когда на одной научно-практической конференции я рассказывал о судьбе моей прабабушки, то член жюри сказал, что Анна Васильевна – уголовница, которая сама виновата в том, что оказалась в исправительно-трудовом лагере Эльгене. Но разве можно называть юную девушку «уголовницей» только за то, что она накормила голодных детей? Разве она заслужила за это пятнадцать лет лагеря? Я думаю, что нет. Ответственность за такое «воровство» лежит на самом государстве, которое не смогло обеспечить население своей страны элементарным продовольствием (Антон Протасов).

Такие примеры есть едва ли не в каждой работе:

Прадед Насти якобы не уплачивал налоги (со слов соседей) – его увезли без разбирательств, прапрадед якобы совершил «поджог». Подобными «злостными преступниками»

*и были наполнены лагеря и тюрьмы. Почему государство было столь беспощадно к ним? Ведь некоторые из них, такие как Д***, инвалид войны, без ноги, не представляли интереса как рабочая сила. Но... «вор должен сидеть в тюрьме». Вот только многие из них становились «ворами», чтобы выжить, другие попадали по недоразумению и даже, как видим в случае с человеком, который выписал лес на строительство веранды, за свою доброту (пожалел вдову, мать пятерых детей) (Алексей Губанов, Анастасия Петрова).*

Авторы этого сборника стараются избегать декларативных заявлений, обличительного пафоса, но, внимательно изучая источники, приходят к серьезным и очень критическим выводам. Например, о том, почему кронштадтские моряки стали главной движущей революционной силой и одновременно одной из первых жертв революции; что скрывается под приглаженной официальной советской картинкой эвакуации в Великую Отечественную – и как на самом деле жилось эвакуированным и тем, кто их принимал. Как трагическая реальность прифронтового госпиталя отличалась от до боли знакомых по советским фильмам сестричек в пригнанных белоснежных халатиках и картинно забинтованных больных. И как с помощью сухих справок, списков и подсчетов: сколько было призвано из их сельского района в армию в 1939 году и сколько вернулось – выстраивается общая картина тяжелейших ошибок власти и чудовищных потерь, которых можно было избежать.

Истории и сюжеты из нашего прошлого – редко со счастливым концом, но другой российской истории у нас для наших молодых, как бы этого сегодня многим не хотелось, к сожалению, нет. Даже когда речь идет не только о конкретных людях и судьбах, а о *памяти о местах*.

Это прежде всего память о навсегда утраченной малой родине. Весь XX век в России прошел под знаком перемещения и переселения. Бегут герои наших авторов: с западных границ империи в Первую мировую, бегут из столиц в провинцию в Гражданскую; высылаются в период коллективизации, эвакуируются во время Отечественной войны, депортируются в 40-е, уезжают по вербовке в 50–60-е.

На страницах своих работ конкурсанты возрождают память об уничтоженных, но когда-то процветавших деревнях и хуторах, пишут о не осуществившейся мечте прабабушек и прадедушек, приехавших строить светлое будущее, но обещанный социалистический рай оборачивался лишь вечным «котлованом».

Есть то, что объединяет тысячи и тысячи сегодняшних русских сел, – их развалины. Когда-то мы восхищались, когда рассматривали в учебниках истории, различных журналах иллюстрации со средневековыми руинами. «Как живописно!» – восклицали мы. Но чтобы воочию увидеть самые настоящие руины, далеко ходить не надо. Наши села сплошь состоят из руин. Чуть ли не каждый второй дом – заброшенный, разрушающийся, окруженный непроходимыми за-

рослями бывших садов и бурьяна. Но есть в Курлаке особые развалины, можно сказать, исторические. Правда, выглядят эти руины не так уж и живописно (Дарья Губарева, Дарья Козлова).

Тяжелые истории, тяжелое наследство – с руинами социализма, но эти работы и их авторы с их рефлексией внушают надежду. И в лучших работах школьников мы видим их реальный вклад в формирование памяти о минувшем веке, вклад их поколения, тем более, что в своих датах рождения они все-таки будут писать «19...».

Итак, докопались ли мы до понимания собственных корней?

В какой-то мере, да. Мы правнуки выходцев из деревни. И хотим мы того или нет, но наши прадеды передали нам частичку себя, деревенских, со всеми плюсами и минусами, со всеми противоречиями. В наших семьях в принципе не принято думать о прошлой жизни плохо. Принято даже верить сказочным образам деревни, идеальному образу России. Старшим, наверное, обидно терять этот образ. Но нам, пожалуй, лучше знать правду. Так гораздо понятнее становится многое в нас самих (Алексей Губанов, Анастасия Петрова).

Время и место

Курлакские руины социализма Дарья Губарёва, Дарья Козлова

Новый Курлак, Воронежская область, научный
руководитель Н.А. Макаров

ЖИЗНЬ СРЕДИ РУИН

Есть то, что объединяет тысячи и тысячи сегодняшних русских сел, – их развалины.

Когда-то мы восхищались, когда рассматривали в учебниках истории и журналах иллюстрации со средневековыми руинами. «Как живописно!» – думали мы. Но чтобы воочию увидеть самые настоящие руины, далеко ходить не надо. Наши села сплошь состоят из руин. Чуть ли не каждый второй дом – заброшенный, разрушающийся, окруженный непроходимыми зарослями бывших садов и бурьяна.

Но есть в Курлаке особые развалины, можно сказать, исторические. Правда, выглядят эти руины не так уж и живописно.

Вот я, например (Козлова Даша), живу в Старом Курлаке. Здесь живут мои бабушка и дедушка. Одним словом, тут мои корни. Когда-то село было шумным и веселым, было много молодежи. В выходные дни после рабочей недели в местном клубе собиралось столько людей – яблоку негде упасть. В клуб приезжали с концертами областные артисты, тут показывали кино, изредка появлялись даже циркачи и кукольные театры.

Но я этого ничего не застала, ничего не видела. Иногда мама и папа рассказывают мне и младшей сестре о разных смешных историях из времен людных клубных посиделок. Почему же об этом я могу узнать только от родителей? Да потому, что от здания Дома культуры, как его называли, не осталось почти ничего.

Кстати, до конца 30-х годов XX века бревна и кровля клуба были частью церкви. Но сначала колхозное начальство устроило в половине церкви зерносклад, а после ареста и расстрела священника А.А. Потапова ее разобрали и перенесли на другое место. Это здание и стало клубом.

В середине 90-х годов клуб закрыли из-за ветхости (на ремонт никакая администрация – ни сельская, ни районная – так и не нашли денег). Народ в мгновение ока все растащил. Теперь на месте, где собиралось так много людей, можно увидеть какой-то непонятный каркас, а заднюю стену разобрали полностью.

В двадцати метрах от клуба находилось правление колхо-

за. Его постигла такая же участь после ликвидации хозяйства имени вождя болгарских коммунистов Димитрова.

Между этими мрачными развалинами стоит памятник солдатам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Очень дико сейчас смотреть на этот памятник посреди руин.

Совсем недалеко от моего дома стоит (если так можно сказать) старый двухэтажный кирпичный дом. Своей архитектурой он сильно напоминает дом купцов Проторчиных в Новом Курлаке. Скорее всего, эти два дома были выстроены в одно и то же время, в начале XX века, и из одного и того же материала. И тут жил купец среднего достатка. После прихода советской власти дом, естественно, конфисковали. Долго здесь была колхозная столовая, куда много лет ходила на работу моя бабушка.

Мне повезло – я застала этот дом в его красе. Я часто маленькой девочкой бегала к бабушке. Помню, что на первом этаже располагались кухня и огромный зал, где завтракали и обедали, а на втором было что-то вроде гостиницы для временных рабочих, которые приезжали на посевную и уборочную. Снаружи здание было белоснежным – каждый год его белили. Зал, где ели, был отделан деревянной досочкой. Было светло и красиво. Я любила прятаться под лестницей и наблюдать за входившими и выходившими людьми. Но как давно это было! Сейчас дом весь зарос, вечером жутко проходить мимо его вывороченных дверей и вышибленных окон.

Внутри выломали пол, перегородки. На втором этаже в одной из комнат пол прогорел насквозь.

Подобных руин в селе не перечесть: баня, мастерская, молочные фермы... Наше село умирает. И выхода нет: молодежи нет резона тут оставаться – где работать, что делать? Только если стать алкоголиком и разбирать стоящие пока остовы...

А недавно нас лишили последней радости, лишили школы. Она ведь была совсем еще не старой – ее построили в 1990 году. Но три года назад районные власти, подчиняясь приказам из областного центра (а те, очевидно, следовали приказам из Москвы), решили «реструктуризировать» школу. За три года она обрела неузнаваемый вид.

Когда я иду по селу, то у меня складывается впечатление, будто тут Мамай прошел. Все это напоминает мне кадры кинохроники о послевоенной разрухе. Человек, ни разу у нас не бывавший, мог бы подумать, что недавно тут были бомбежки.

Но мы любим свою малую родину, хоть и «странную любовь». Все-таки болит сердце. Наверное, именно поэтому мы выбрали такую печальную тему.

Наша работа основана на личных впечатлениях, на беседах с теми, кто застал время, когда этих руин еще не было, а также на материалах архива школьного краеведческого кружка, где мы нашли уникальные документы и факты эпохи, которую принято называть социалистической.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

К своему стыду, мы, ученицы выпускного класса, имеем весьма смутное представление о том, что такое социализм. «Какой-то политический строй, где все общее» – примерно такое определение мы могли бы дать.

Мы решили обратиться к тем, кто жил в эпоху социализма.

Моя бабушка (Губаревой Даши) Губарева Мария Михайловна сказала так: «А кто его знает – жили и жили. При Брежневе вроде бы получше было. Хотя зарплату стали платить в колхозе. Я получала 70 рублей как главный зоотехник, потом 120 рублей. До Брежнева вообще ничего не платили, а если и платили, то очень мало».

Учительница нашей школы Т.Н. Малахова: «Социализм – это бесконечные очереди, блат, дефицит».

В.Н. Светлова, соседка: «Каждый раз оказывалось, что при движении от социализма к коммунизму мы повернулись на не то количество градусов. Всякий раз надо было поворачиваться по-другому. Не было никакой свободы слова: что нам говорили, то и делали. Бытовал даже такой лозунг: „Партия сказала: НАДО! – комсомол ответил: ЕСТЬ!“ Мы, молодежь 80-х, жили по принципу: нас толкнули – мы упали, нас подняли – мы пошли».

Мой папа (Козловой Даши) Козлов Александр Иванович

отшутился так: «Социализм – это что-то перед коммунизмом, но после капитализма».

Пришлось нам обратиться к «Новому энциклопедическому словарю». Там на странице 1143 читаем: «Социализм – обозначение учений, в которых в качестве цели и идеала выдвигается осуществление принципов социальной справедливости, свободы и равенства, а также общественного строя, воплощающего эти принципы... В коммунистическом движении получили распространение представления о социализме, связанные с утверждением с конца 20-х – начала 30-х гг. так называемой советской модели социализма, распространенной после 2-й мировой войны на ряд других стран. Характерные черты такого строя, который был объявлен социалистическим (реальный социализм, зрелый, развитый социализм): монополия государственной собственности, директивное централизованное планирование, диктатура партийно-государственной элиты, опиравшейся на аппарат насилия, массовые нарушения законности и прав граждан».

Уже в этой энциклопедической статье заявлено неразрешимое противоречие: идеал социализма – свобода и справедливость, а насаждаются эти громко звучащие принципы при помощи насилия и массовых нарушений законности. Наверное, поэтому нам многое было непонятно в высказываниях взрослых о социализме. С одной стороны, многие из наших собеседников говорили, что это было «время проектов и задумок», а с другой стороны, люди запомнили очере-

ди, дефицит и отсутствие свободы слова, а более старшее поколение – безденежье и нищете 1930-1950-х.

Бывший купеческий дом (Старый Курлак)

Баня (Новый Курлак)

Молочный комплекс «БАМ»

Дом животноводов (Новый Курлак)

Очень показательна на этот счет моя (Даши Козловой) беседа с бабушкой, Анастасией Федоровной Козловой. Она родилась в 1932 году, как раз тогда, когда, согласно статье из энциклопедии, утверждался «советский социализм». Я сразу же задала бабушке такой вопрос: «Как жилось тебе во время социализма?»

И бабушка начала свой рассказ: «Социализм – лучше всего. Бывало, поставишь на стол чугунок с картошками, огром-

ную чашку огурцов. Усядешься на дерюжку да уминаешь картошечку с огурчиками. Колбасы тогда и в помине не было. Мы о ней ничего не знали и не видели никогда».

Мне показалось странным, что бабушка назвала социализм «самым лучшим» и сразу же заговорила об отсутствии колбасы в социалистический период. Уж не пошутила ли она? Тогда я спросила об условиях работы при социализме. «Я тебе расскажу, как было, – охотно заговорила бабушка. – Я была совсем еще молоденькая девчонка. Мне дали 36 телят, и я гоняла их пастись на гору. И мне за эту работу давали „палочку“, трудодень».

Я опять очень удивилась: «Как, вам не платили денег, ничего, одну «палочку» ставили? Как же вы тогда жили? Как, с чем вы ходили в магазин? С „палочкой“ этой?». – «Вот так и не давали. Но все же в колхозе выписывали иногда хлеб и еще что-нибудь. Вот я, к примеру, получала 50 кг хлеба, а может, и мешок и два, смотря, сколько давали на трудодни. Получишь, привезешь – и вроде бы есть чем питаться. Зачем в магазин идти? А деньги стали водиться, когда стала я работать на свинарке. Там в качестве платы выдавали поросят. Выкормишь его и везешь на базар продавать. Приедешь с базара – а тут уже агент сидит, ждет. Расплатишься с ним – какие-то деньги и останутся. Хлеб тогда свой пекли, одежду шили у швечихи (так бабушка назвала швею). Она во время войны тем и питалась, что ходила по домам и шила, а ее за это кормили. У меня до сих пор сохранились жакетка и пи-

джачок, которые она сшила. Вот так мы и жили. Но не мы одни, так жили все. Даже председатель колхоза только тем и отличался, что у него скотины было побольше, и он мог зарезать ее для себя, а не все продавать на базаре. После войны налогами душили: масло сдай в государство, мясо сдай в государство. Есть у тебя мясо или нет, но положенное сдай. Есть у тебя кура или нет, а 100 яиц сдай. Это хоть умри, но надо было сдать. Я родилась в 1932 году. Наверное, самое трудное время застала».

Бабушка задумалась, и я тоже. Что-то невеселая картина вырисовывалась для «самого лучшего» времени. Потом я спросила: «Ты верила, что социализм – это ступень к коммунизму и что вообще придет коммунизм?» Бабушка ответила своеобразно: «Я не верила. Коммунизм – это знаешь что такое? Это когда наварят котел здоровый, в очередь будешь становиться, и тебе будут из этого котла наливать. Нам, колхозникам, некогда было раздумывать на такие темы. Жили да жили, вручную коров доили, вручную свинарки вычищали, парили мякину свиньям. Это страшное время было. Какой там коммунизм...» Я спросила и о раскулачивании в деревне. «Мой дед попал в раскулачивание. Пришли хозяйство забирать, ну дедушка и отдал лошадку. Больше-то отдать нечего было.

Что поделать, он отдал эту лошаденку. Ведь в тюрьму неохота идти. Дедушка у меня умный был, сопротивляться не стал. Отдал лошадь – остался дома». – «В начале своего

рассказа ты сказала, что социализм лучше всего, а сейчас говоришь, что это было „страшное время“. Почему?» – «Сама не знаю. Вроде бы проще люди тогда были. Теперь же одни деньги людей замучили. А тогда про них и разговора не было. Потому что и денег-то не было...»

Мы не слишком продвинулись в своем понимании социализма, который продолжался в нашей стране более 70 лет. Почему страна с «самым справедливым» общественным строем зашла в тупик? Почему в Курлаке мы сейчас видим лишь руины социализма? Ведь просто так ничего не случается.

Мы наметили дальнейших собеседников, с которыми хотели подробнее обсудить курлакские развалины. Эти руины заинтересовали нас прежде всего тем, что они относятся к разным годам (40-е, 70-е, 80-е). Кроме того, мы поняли, что их строительство представляло собой некий «нацпроект» (хотя этот термин и появился недавно, но суть та же).

НАЦПРОЕКТ № 1 «ДА БУДЕТ СВЕТ!» (ГЭС НА БИТЮГЕ, 1947)

Следы социализма в Новом Курлаке и, соответственно, его руины связаны в основном с послевоенным временем. Большевики долго не занимались строительством. Так что архитектурные новшества появились лишь в конце 60-х –

начале 70-х: магазин, почта, школа, баня (теперь – одна из руин), клуб (увы – сгорел). Конец 80-х представлен типовыми жилыми домами для передовых колхозников.

Но «инфраструктурные» стройки были редкостью. Социальный вопрос стоял далеко не на первом месте для местного колхозного начальства. Партия требовала тогда в первую очередь строить свинарники и коровники.

Тем удивительнее факт, что в 1947 году на реке Битюг в двух километрах от села начали сооружать гидроэлектростанцию. Впрочем, как выяснилось, удивительного в этом факте мало. Такие станции в те годы возводились почти по всей протяженности нашей главной реки. С одной стороны, маломощные станции давали невиданное до сих пор в селах электричество. С другой стороны, вредили реке, ведь их строили чуть ли не через каждые пять километров.

Мы узнали, что рассчитывать за стройку надо было колхозу. То есть государство выделило кредит в 700 тысяч рублей, но колхоз должен был все это возратить. Сумма кредита была тогда для жителей Курлака непредставимой. Пуд ржи стоил в то время около 80 рублей, а буханка хлеба – 1 рубль 20 копеек.

В строительстве участвовало три колхоза: «Путь к коммунизму» (Новый Курлак), «Чекист» (Старый Курлак) и «Красные пески» (Бродовое). Но основная тяжесть легла на новокурлаковцев. Почти все работы выполнялись вручную: мужчины забивали огромные сваи, женщины ведрами носи-

ли землю.

В школьном архиве сохранилось несколько фотографий 1947 года. Босые женщины и девушки стоят на мостиках, сооруженных из досок. Позади них – те самые сваи, которые мужчины забивали вручную.

1947 год был одним из самых трудных в Курлаке. Во-первых, только-только закончилась война, мужчин не хватало, на работу по строительству ГЭС вышли совсем молодые парни – те, кому посчастливилось родиться после 1927 года. Во-вторых, в селе, как и повсюду в Черноземье, царил страшный голод. Нам рассказывали, что многие люди пухли от голода.

Еще на одной фотографии уже 1948 год. Станция готова. Битюг перекрыт плотиной, а поэтому кажется очень полноводным. Людей на фотографии нет, только сооружения и здания. Быть может, эта фотография была сделана в день пуска станции – все-таки исторический момент. Тогда никто не мог предположить, что век этой очередной «ударной стройки» окажется до смешного коротким.

Мы беседовали со многими, кто помнит время работы станции. Почти все высказывались о том, как радовался народ: «Ну вот, дожили мы до рая. Будем теперь городскими».

Самые интересные сведения мы получили от Ивана Митрофановича Попкова. Он очень умный и рассудительный человек, пытается задуматься о прожитом и проанализировать его. О встрече мы договорились заранее. Конечно, волновались: вдруг нам укажут от ворот поворот. Когда мы подхо-

дили к улице, где живет Иван Митрофанович, то еще издали увидели его. Он сидел на лавочке, курил – видимо, поджидал нас. Мы поздоровались. Иван Митрофанович улыбнулся и как-то хитро осмотрел нас, спросив: «Зачем это я вам понадобился?» А затем пригласил зайти в дом. Мы сразу поняли, что разговор будет долгий.

Слушать Ивана Митрофановича – одно удовольствие. Время от времени мы начинали смеяться: даже о трагических моментах своей жизни он говорил с юмором.

«Я родился в 1930 году. Примерно с года 35-го помню все. И могу сделать вывод: ничего хорошего не было. Социализм, коммунизм – это просто слова. Весь век только шла борьба за власть, и наверху, и в нашем Курлаке», – сказал Иван Митрофанович.

Он рассказал нам и о своей семье. Его дед долго не хотел вступать в колхоз, сумел устроиться в совхозе за 20 километров от села. Совхоз считался государственным предприятием. Но его вынудили власти: забрали лошадь. А дядя Ивана Митрофановича полгода работал председателем сельсовета. Бывало, что выписывал справки односельчанам о том, что они бедняки и раскулачиванию не подлежат. Как-то ему сказали: на тебя донесли. Он собрался в один час, бросил все («И печать бросил!» – пошутил Иван Митрофанович) и уехал в Москву, где поспешил затеряться среди миллионов столичных жителей. Потом, в более спокойные времена, он перетянул многих своих родственников к себе.

Социализм по-курлакски Иван Митрофанович проиллюстрировал одним наглядным примером. Как-то он был в соседнем селе Моховое и остался обедать в тамошней колхозной столовой. Тогда (в 50-е годы) он работал бригадиром тракторной бригады. За обед он заплатил 14 рублей. В Новом Курлаке такой обед стоил для колхозников 36 рублей. Отчего такая разница?

Когда он обратился к председателю колхоза В.Т. Козлову за объяснениями, тот резко оборвал его и при трактористах крикнул: «Еще не известно, куда вы с поварихой продукты деваете». Иван Митрофанович решил сам во всем разобраться. Он попросил повара бригады Зинаиду Корнюшину вести учет продуктов и собирать все талоны на обед. В конце месяца он произвел расчет: выходило, что стоимость обеда была 14–15 рублей.

Иван Митрофанович пошел в правление и спросил у бухгалтера П.Н. Бердникова: «Сколько будем брать за обед в следующем месяце?» Тот ответил: «Как обычно». – «Ах, как обычно! – Иван Митрофанович стукнул кулаком по столу. – Тогда я поеду в райком!» Бухгалтер изменился в лице и попросил никуда не ездить. Причина дороговизны колхозного обеда оказалась очень простой: председатель частенько ездил с разным начальством на природу, на Битюг, как раз в то место, где стояла ГЭС. Водку для поездок покупали ящиками. Все это затем списывалось на макароны для колхозных обедов. Макароны, естественно, не закупались.

– Вон, поглядите на мою супругу, – сказал Иван Митрофанович. – Она на птичнике работала. Глядишь, задержится на работе. «Что делала-то?» – спрошу иной раз. А она в ответ: «Делегация!» Ясно, какая делегация: для председателя и его дружков кур щипала!

Жена Ивана Митрофановича Нина Владимировна во время нашей беседы занималась домашними делами, но время от времени присаживалась на диван и слушала. Она постоянно восклицала: «Зачем ты это говоришь?! Ой, не записывайте про делегацию!»

Иван Митрофанович улыбнулся: «Кто мне теперь что делает? Мне восемьдесят скоро. Пусть пишут, это войдет в историю».

А про ГЭС на Битюге Иван Митрофанович рассказал нам следующее. Ему было 17 лет. Конечно, все его ровесники тоже участвовали в строительстве. Для парней, родившихся в 1928 году, даже задержали призыв в армию. «А один бродовской старик сидел на бугре и песни для нас играл, чтоб веселей работалось». Построили станцию быстро, за год. Но вскоре выяснилось, что установили «горовую», как выразился Иван Митрофанович, турбину. Горовая – значит, предназначенная для горных речек. Медленный равнинный Битюг не давал достаточное количество оборотов.

Какое-то время электричество все же было в Курлаке, но далеко не везде, а только на главной улице и всего несколько часов в день. Потом пытались установить на станции трак-

торный двигатель, но он «не потянул».

Станция работала, по словам одних, два года, по другим сведениям, три. За просчет инженеров должны были платить колхозники. Им и так не платили деньги, а лишь записывали трудодни. Но, например, в том же Моховом за трудодень писали 9 условных рублей, а в Новом Курлаке – 3 рубля. В течение десяти лет никто в Курлаке не видел «живых» денег – расплачивались за огромный долг. Потом часть долга была списана, но колхоз «Путь к коммунизму» получил в народе прозвища «Путь к разрухе» и «Миллионер» (из-за миллионных долгов).

По одной из фотографий из школьного архива можно судить, что в 1953 году ГЭС уже не существовала. На этой фотографии перед своим домом стоят двое жителей поселка Старь. В этот поселок электричество пришло раньше, чем в другие места, так как он находился совсем рядом. На доме еще можно видеть электрические стаканчики, но провода к ним уже не подходят.

Интересно, что ГЭС была построена на земле, принадлежавшей ранее купцам, братьям Расторгуевым. Более трех десятков лет они жили тут, пока в конце 20-х годов у них не конфисковали имущество. Кто-то из них скрылся, а кто-то оказался в лагерях.

Это был целый хутор крепких хозяев. Они десятилетиями пользовались водяной плотиной, и она почему-то не выходила из строя. После того как их выгнали, все было очень

быстро растащено и разгромлено. Точно также растащили потом все строения ГЭС.

Теперь там такие непроходимые джунгли, что мы так и не сумели пробраться туда, чтобы сделать фото. По словам очевидцев – рыбаков, которые могут подплыть к «историческому» месту на лодке, многотонный железный монолит «городской» турбины все еще возвышается на речном берегу. Его не могут сдвинуть даже любители «черного металла».

Эта турбина – напоминание о том, как один из местных «нацпроектов» социализма зашел в тупик.

НАЦПРОЕКТ № 2 «СТРОИМ БАМ» (МОЛОЧНЫЙ КОМПЛЕКС, 1974)

Колхоз «Путь к коммунизму» так и не выбрался из долгов, так и остался «миллионером». Менялись председатели, но и новые руководители брались за осуществление очередных нацпроектов. Один из них, молочный комплекс, какой-то остроумный человек назвал «БАМом». Ведь именно в 1974 году в СССР началась знаменитая «стройка века» – железнодорожная магистраль между Байкалом и Амуром. Возведение огромного комплекса было по курлакским масштабам тоже стройкой века.

Открытие комплекса было помпезным. Пригласили областное телевидение. Дояркам выдали новенькие белые халаты. Телевизионщики восторгались богатым красным угол-

ком, удобным душем для персонала. По традиции была перерезана красная ленточка, и довольное начальство разного ранга разъехалось по домам.

Ачерез неделю первая буренка провалилась в «бездну». Пол комплекса сделали из металлических прутьев. Навоз падал в подвальное помещение – так сподручнее работать скотникам, объясняли свою идею проектировщики. А в результате коровы все чаще стали падать в подвал. В итоге их перевели в старые помещения. «БАМ» ветшал, по кирпичикам его растаскивали колхозники. Быстро были разграблены и красный уголок, и душ, куда-то исчезли белые халаты. Пожалуй, это самая страшная курлакская руина социализма. Она действительно похожа на развалины средневековой крепости.

Первым, к кому мы обратились, расследуя историю этой руины, был В.П. Матвиенко. Он более 30 лет проработал в колхозе главным инженером, «БАМ» строился и разорялся на его глазах. Казалось, нет такого вопроса, на который он не мог бы дать ответ. Главное, Валерий Петрович жил при социализме, а сейчас живет после его разрухи. Он, в отличие от нас, может сравнить прежнее и теперешнее время. Валерий Петрович сказал, что задумки и проекты времен социализма были в принципе неплохими, в том числе и пресловутый БАМ. Но почему-то не находилось умных руководителей, знающих людей.

Из беседы с В.П. Матвиенко я (Даша Губарева) с удивлением узнала, что моя родная бабушка Губарева Мария Ми-

хайловна непосредственно была связана со строительством и работой «БАМа». Она ведь работала зоотехником. Поэтому я побежала к ней с расспросами. Чувствовалось, что бабушке не очень хочется говорить на эту тему, но она – отзывчивый человек, поэтому «разговорить» ее оказалось нетрудно.

В «БАМ», по словам бабушки, вложили огромные деньги по тому времени – около двух миллионов рублей. Оборудование все было новым, сверкало.

Бабушка прекрасно помнит день открытия комплекса. Особенно смешным было то, что коровы, не привыкшие видеть доярок в белых халатах, начали разбегаться в разные стороны. А еще дояркам выдали совершенно новые калоши, которые они должны были оставлять в ящиках специального стола.

На следующий день после открытия халаты у доярок отобрали – и коровы перестали их бояться.

Калоши тоже как-то быстро пропали. Пропал и стол, куда их нужно было класть. Бабушка сказала, что она хорошо знает, куда «уехал» стол. Как-то одна из соседок пригласила ее на чашку чая. И тут бабушка увидела, что чайные принадлежности стоят на том самом столе. Она отказалась от угощения и ушла. Мне бабушка призналась, что на этот стол она сама положила глаз, но он уплыл у нее из-под рук.

Вспомнила бабушка и о том, что душ «БАМа» пользовался огромной популярностью. Собственно, такого душа в Курлаке до того времени и не было. По вечерам к нему со-

биралась длиннющая очередь желающих помыться. Почти каждый держал в руках большой-пребольшой флакон шампуня под названием «Фея».

Но в основном у бабушки с «БАМом» связаны печальные воспоминания. Яма под коровами была глубиной почти пять метров, и когда коровы начали проваливаться, это представляло собой ужасное зрелище. Бывало, что за бабушкой прибегали ночью, и ей, зоотехнику, приходилось идти на комплекс. Невозможно было без слез смотреть на то, как коров тянули на веревках из ямы. Как-то раз за день упало 17 коров!

И еще один трагический случай, связанный с «БАМом», вспомнила бабушка. В колхозе скотником работал Воротилов Иван Андреевич. Это был лучший скотник – ответственный, непьющий. В его дежурство (дело было зимой) полетела вниз очередная корова. Он прыгнул вслед за ней, сильно простудился и вскоре умер.

Бабушка все пыталась уйти с работы, чтобы не видеть такого безобразия. Но председатель колхоза (Н.П. Романенко) не отпускал ее и даже шантажировал. Правдами и неправдами, ей все-таки удалось уволиться.

Мы очень надеялись, что много интересного и полезного для нашего расследования даст посещение Виктора Андреевича Ковалева, который долгое время работал в колхозе «Путь к коммунизму». Его должность называлась парторг. Он занимался тем же, что и председатель колхоза. Как бы

дублировал его.

Виктор Андреевич очень тщательно приготовился к встрече с нами. Он заранее отыскал газетные вырезки и свои старые блокноты, куда он ежедневно заносил различные колхозные мелочи. Но и память его никогда не подводит. О строительстве «БАМа» Виктор Андреевич говорил долго и обстоятельно. Правда, началось оно еще без него, в 1974 году. Председателем колхоза был тогда Н.П. Романенко, парторгом – А.С. Козлов.

По словам Виктора Андреевича, доярка в 70-80-е годы XX века получала в колхозе в среднем 146 рублей, парторг – 220 рублей, председатель колхоза – 240 рублей, а первый секретарь райкома партии – 300 рублей.

Виктор Андреевич подтвердил, что строительство «БА-Ма» являлось тогдашним «нацпроектом». Колхозы должны были перейти на определенную специализацию. В Новом Курлаке решили поднимать в животноводстве – молочную отрасль, а в полеводстве – выращивание картофеля.

Молочный комплекс в колхозе «Путь к коммунизму» (Виктор Андреевич назвал его «комплекс для беспривязного крупногруппового содержания коров») был «пилотным». То есть тут хотели проверить, как все будет действовать.

Вело строительство Аннинское СМУ (строительно-монтажное управление). Виктор Андреевич начертил для нас подробный план комплекса. Он состоял из двух блоков раз-

мером 120 х 32 м каждый, соединенных доильным залом. Наземная часть комплекса была высотой 5 м, подземная – 4,8 м. Каждый блок был рассчитан на 200 голов. Из-за высокой механизации труда обслуживать 200 коров должны были по проекту всего 8 доярок.

Действительно, был предусмотрен кормоцех, где коровья пища размельчалась и по транспортерам передавалась прямо буренкам. Молоко по специальным трубам сразу поступало в предусмотренный для этого молочный зал, оборудованный холодильниками. Скотникам тоже почти нечего было делать, ведь навоз сам проваливался под решетки.

Стоимость комплекса составила 1 млн 200 тыс. рублей (не деноминированных! – уточнил Виктор Андреевич). Если всмотреться в такой проект, то он действительно покажется грандиозным. Но почему-то сразу все пошло вкривь и вкось. Первый блок комплекса открыли в 1977 году – это Виктор Андреевич помнит очень хорошо. Второй блок никогда и не открывался.

Чистка навоза по проекту должна была проводиться раз в пять лет, но не было произведено ни одной. «Жидкая фракция» (выражение В.А. Ковалева) быстро затопила насосы (они были смонтированы чересчур низко), и они вышли из строя. Ни одного грамма «жидкой фракции» не откачали из подвалов комплекса. Аммиак «жидкой фракции» стал сочиться в молочный зал.

Четыре коровы упали вниз почти сразу после открытия.

Их вытаскивали лебедками, ведь они летели почти пять метров! На то, чтобы вытянуть одну корову, уходили часы: коровам не объяснишь, что им пытаются помочь, они сопротивлялись, как только могли. После того как количество «жидкой» и «твердой» фракции увеличилось, коровы начали там плавать.

Виктор Андреевич пояснил, почему чугунные решетки не выдерживали веса коров. Дело в том, что время от времени какая-то из них уходила в запуск. Тогда другие коровы прыгали на нее, так что рассчитанный по проекту вес сильно возрастал.

В быстром закате этого нацпроекта сыграл, по словам Виктора Андреевича, свою роль и «человеческий фактор». Восемь доярок работали в две смены. То есть, по существу, коровы, которые привыкают к одному человеку, не знали своих хозяек. К тому же нагрузка на одну доярку (50 коров) оказалась непомерно высокой. Платили им немного – стараться не было выгоды. Коров стали «списывать» из-за недостаточности удоев.

Скотники тоже получали копейки. Виктор Андреевич рассказал, что двое из них (Н.И. Сысовский и В.М. Вощинский) действовали так. Один грузил корм на одном конце транспортера, а второй стоял на другом конце. Время от времени Сысовский укладывал на движущуюся ленту полный мешок корма, а на финише этот мешок попадал прямо в сани сотоварища, который спешил в село, чтобы продать его (в

основном, за самогон). Это был дополнительный заработок скотников. Но страдали недоедавшие коровы.

По количеству надоев курлакский колхоз, обладатель современного комплекса, занимал одно из последних мест в районе. Планы, которые спускались сверху, не выполнялись. Но от руководства колхоза, сказал Виктор Андреевич, требовали неукоснительного выполнения плана. Сводки должны были подаваться каждый день. И если показатели были ниже положенных, то, по образному выражению Виктора Андреевича, надо было без приглашения ехать в район и «прихватывать с собой розгу».

Из затруднений выходили по-разному. Например, с негласного согласия районного начальства собирали молоко в частном секторе, то есть у жителей села, и записывали его как колхозное.

Или поступали так. Ехали в соседнее село Тишанка и покупали там масло (жители этого села славились своей хозяйственностью). В районе масло принимали в счет молока: один килограмм масла заменял 25 л молока. Но если в Тишанке за килограмм масла надо было платить 5 рублей, то в районе за него на колхозный счет поступало 2,5–2,7 рубля. Разницу должны были выплачивать из своего кармана колхозные специалисты (председатель, парторг, зоотехники, ветврачи).

Записные книжки В.А. Ковалева – это, без преувеличения, ценный исторический материал. По ним можно напи-

сать целое большое исследование. Тут, как из мозаики, складывается курлакская история того период социализма, который имел название развитого (в блокнотах зафиксированы 1978–1988 годы).

Бесконечные собрания, заседания, пленумы, совещания и рядом – планы по молоку, шерсти и мясу, центнеры проса, ржи и пшеницы, вывозка соломы, подписка газет, участие в учительских семинарах, постоянная борьба за дисциплину труда – это только маленький перечень того, что можно узнать из блокнотов.

Создается впечатление, что тогда существовало как бы два мира. Один – мир районных начальников. Они все время требуют отчетности в трехдневный срок, «улучшить», «уделить внимание», «совершенствовать», «серьезно заниматься» и так далее. Но этот мир кажется виртуальным. Как будто районное начальство сделано не из того же теста и не видит дальше своего носа.

Совсем другой мир – реальная колхозная жизнь с падежами скота и негульными стадами, вечно пьяными скотниками и часто нетрезвыми доярками. Чуть ли не на каждой странице блокнотов можно прочесть: «пьяна в стельку во время обеденной дойки», «отвез муку своему тестю», «групповая кража фуража», «пьян на заседании правления, ругань и угрозы на заседании».

Атмосфера на районных партийных заседаниях – это еще и мир абсурда. Бывало, что Виктор Андреевич записывал

до 60 пунктов разных указаний. По записям можно понять, что парторг колхоза «Путь к коммунизму» Виктор Андреевич страшно скучал на заседаниях. Например, однажды он в блокноте составлял новые слова из слова «Курлак». У него получилось: рак, лак, кулак, Урал, рука. А один раз, когда его снова отчитывали за «молоко», он написал: «Коровы не кормятся – накормить, подоить, напоить». Эта запись – знак отчаяния. Как выполнить требования начальства и заставить нерадивых скотников кормить коров, а доярок доить их? Еще на одной странице – расчеты с пометкой «К совещанию 6 августа». По этим подсчетам выходит, что план по сдаче молока нереально выполнить. Тут Виктор Андреевич и складывает, и вычитает, и делит. Но итог – рисунок внизу страницы: виселица.

В реальной жизни оставлять коров на комплексе стало просто невозможно. «Типовой двухрядный коровник на 100 голов стоил тогда 120 тысяч рублей», – сказал нам Виктор Андреевич. То есть за 1 миллион 200 тысяч угробленных понапрасну рублей можно было построить 10 типовых коровников, где коровы не летали бы вниз.

Колхоз залез в очередную невылазную трясиину долгов. Все – и В.П. Матвиенко, и В.А. Ковалев – говорили почти одно и то же: «Не продумали, не доделали, вот и развалилось все».

Размышляя о причинах неудач с «БАМом», В.А. Ковалев вспомнил об одном рисунке из журнала «Крокодил» (это, по

его словам, был единственный журнал, где разрешалось критиковать социализм). На рисунке сходятся в одной точке асфальтированная дорога и железнодорожный путь. Вокруг в задумчивости стоят чиновники. Кто-то говорит: «Да, видно, вышла ошибка в инженерном проекте».

Наш курлакский «БАМ» – это такой же путь в никуда, как и БАМ настоящий. Ведь эта железная дорога, которую так долго и с таким трудом строили, сейчас никому не нужна.

НАЦПРОЕКТ № 3 «ДОМ У ДОРОГИ» (ДОМ ЖИВОТНОВОДОВ, 1985)

В одном из блокнотов В.А. Ковалева есть такая запись: «Дом животноводов – до 10 января дать план его строительства». Запись сделана на совещании райкома КПСС от 27 декабря 1984 года. На закате социализма был предпринят еще один нацпроект – строительство Домов животноводов.

Сам Виктор Андреевич так объяснил необходимость таких домов: «Доярки работали в две смены. В Доме животноводов они могли получить медико-психологическую разгрузку. Дом был прекрасно оборудован: конференц-зал под дерево, ковры, паласы, люстры. Все, вплоть до ложек и вилок, закупил колхоз. Там должны были действовать буфет и столовая. Но на деле доярки редко там бывали. Между дойками они спешили домой: полоть огороды и убирать собственную скотину».

Моя (Губаревой Даши) бабушка тогда опять работала зоотехником в колхозе. Дом животноводов был как бы и ее домом. Она при упоминании этого здания начала рассказывать с восхищением: «В Доме животноводов проводились разные мероприятия. Там был очень большой зал. В этом доме были душевые кабинки. Кругом одни ковры, красивые шторы, мебель. Все было очень комфортно».

Потолок Дома был отделан гипсовой лепниной, с потолка свешивались большие стеклянные люстры. Стены отделаны под дерево, пол покрыт паркетом. Дом был разбит на такие помещения: огромный актовый зал, комната отдыха, кухня, столовая, буфет, продуктовый магазин, душевые. На полах в комнате отдыха лежали дорогие ковры, там же стояли мягкие удобные кресла и диваны. На кухне было полно всякой посуды.

Потом бабушка вздохнула и продолжила: «Но почему-то из этого дома все растащили. Ох, поднажились люди, которые там работали. Они забирали все: стулья, посуду, столы, ковры».

Почему люди стали растаскивать Дом животноводов чуть ли не со дня его открытия, понятно – колхозы стали рушить вместе с крушением социализма в 1991 году. Бабушка умолчала, что при дележе имущества и ей как зоотехнику достались два кухонных стола, которые до сих пор служат нам верой и правдой.

Вскоре после беседы с бабушкой я пошла к Т.Н. Берд-

никовой, которая теперь работает продавщицей в местном магазине «Все для дома», а тогда была заведующей в Доме животноводов и торговала там в буфете. В магазине Дома Т.Н. Бердникова торговала хлебом, консервами, конфетами. «Колбасы не было, так как не было холодильников. Если колхоз выделял сахар, то выдавала и его», – сказала она.

А потом добавила, что когда ввели талоны, то выдавала продукты и по ним. Я удивилась: что значит – по талонам? Татьяна Николаевна объяснила, что в начале 90-х годов стало ничего не хватать, самых обыкновенных продуктов: масла, колбасы, кондитерских изделий, даже водки. На все это жителям были положены талоны на месяц. Если в течение месяца талон не был отоварен, то он пропадал. В другом селе или городе по этим талонам ничего купить было нельзя.

Когда мы были у В.А. Ковалева, то он показал нам такие талоны. Это талоны его матери, Дарьи Михайловны Ковалевой, давно уже не действительные, но она хранила их до самой смерти. Талоны были ей выданы на 1991 год Суходонецким сельсоветом Богучарского района Воронежской области. Дарья Михайловна почти не использовала талоны на кондитерские изделия (отрезан только талон за апрель) и с мая не отоваривала талоны на колбасу. По словам Виктора Андреевича, его мать уже тогда была преклонного возраста, а магазин находился далеко от ее селыца.

Как оказалось, животноводы в Дом животноводов заглядывали редко. Не они сидели в мягких креслах и мылись в

душевых. Татьяна Николаевна сказала, что в основном Дом использовался как место проведения различных собраний.

Например, сход колхозников и граждан села Новый Курлак 29 марта 1986 года наверняка состоялся именно в Доме. На сходе предстояло решить такие вопросы (они зафиксированы в одном из блокнотов В.А. Ковалева):

- съезд (имеется в виду съезд КПСС) и алкоголь;
- план и алкоголь;
- дисциплина и алкоголь;
- семья и алкоголь;
- дети и алкоголь;
- отношение к самогонщикам и пьяным людям (поим друг друга);
- запрет на спиртное;
- досуг молодежи и всех колхозников.

Мы тогда спросили у Виктора Андреевича, чем была вызвана такая повестка дня. Он ответил, что в самом начале перестройки КПСС повела отчаянную борьбу с алкоголизмом. Для этого предпринимали все возможные и невозможные меры. Вырубали виноградники, ограничивали продажу спиртного, вели войну с самогонщиками. Заставляли устраивать безалкогольные торжества: свадьбы, дни рождения и выпускные балы. Виктор Андреевич сказал, что свадьбу своего старшего сына он тоже хотел сделать безалкогольной (должность парторга обязывала показывать пример), но по-

том отказался от этой затеи: гости бы его не поняли.

Мы спросили, дала ли борьба с алкоголизмом эффект. Виктор Андреевич ответил, что эффект борьба дала, но прямо противоположный. В народе ходила частушка:

Как поедете в Москву,
То скажите Мише:
«Как мы пили, так и пьем,
Только чуть потише».

Миша – это лидер КПСС М.С. Горбачев.

А народ пил все, что содержало алкоголь. Было много отравлений.

Дом животноводов просуществовал около семи лет. Потихоньку из него все вытащили.

Правда, само здание продержалось еще несколько лет: тут жили приезжие рабочие, а когда пошел повальный приезд русских из республик Средней Азии, то и целые семьи. Использовали Дом и как склад.

Как бы невзначай я задала такой вопрос: «А кто растащил все добро и „разбомбил“ такое здание?» Она помолчала, потом улыбнулась и ответила: «Да мы же и растащили. Сам народ. Все мы здесь не святые».

В конце беседы я поинтересовалась, жилось ли в те времена, когда разваливался социализм, лучше, чем сейчас. Т.Н. Бердникова без колебаний отдала предпочтение тому времени. Она обосновала это так: «Была какая-то стабильность.

Платили какую-никакую зарплату. Сельсовет активно работал: тут проводились бракосочетания, выдавали заключения о смерти, документы о купле-продаже.

Населению было удобно – не надо было ездить в район. А сейчас сельсовет только налоги активно собирает да талоны на газ выписывает. В нынешнее время процветает коррупция. Я думаю, это власть до такого довела. Кругом обман и зависть. Каждый сам за себя, все сидят по углам, только тем и занимаются, что друг друга топят».

Но я нашла в словах тети Тани противоречие. Сначала она говорила, что зарплату в колхозе не платили, все разваливалось, в том числе и Дом животноводов, а потом стала говорить совсем иное.

Дом разрушился вместе с социализмом и колхозами. Наступила другая эра.

ПАРОДИЯ НА СОЦИАЛИЗМ?

Когда мы беседовали со старшими людьми о социализме, о тех порядках, что были раньше, то невольно начинали сравнивать то время с тем, в котором мы сами живем. Наверное, отличия есть. Мы не знаем, что такое талоны на продукты и что такое очереди. Но почему-то нам кажется, что сходства больше. Мы тоже часто слышим о нацпроектах, о «светлом будущем», о патриотизме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.